

Про Кота / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Про Кота / рассказ ПРО КОТА

Из цикла «Маленькие утопии»

Бродяга, изгнанный из божьего рая,
я был уже раньше мальчиком и девочкой,
кустом и птицей, немой рыбой, плавающей в море Очищения.

Эмпедокл из Агригента, древнегреческий философ и врач

1.

Его назвали в честь сына Анны Карениной – Серёжей.

Кэрол прочла этот роман давно, ещё в университете, валяясь на сероватом песке пляжа Зума-бич, загорая и покуривая травку. Тогда же ей попался и «Архипелаг Гулаг». Солженицын потряс её. Поэтому первого своего котёнка, найденного по дороге с вечеринки, она назвала Сашей.

Впоследствии выяснилось, что это кошка.

Рассчитывать, что можно получить приличное образование в университете, расположенном в Малибу было, разумеется, наивно с самого начала. Бархатистый загар с персиковым отливом? Да! Превосходную калифорнийскую марихуанну? Разумеется! Образование?

Поэтому после нескольких переездов, одного замужества и одного развода, Кэрол поступила в другой университет, в Нью-Йорке. На этот раз университет был без пляжа.

Кэрол продолжала читать Толстого, Чехова и Достоевского. Ей было невдомёк, что увлечение русской литературой обычно до добра не доводит.

Через несколько лет Кэрол очутилась в Москве в должности выпускающего редактора русского филиала телевизионного канала CNN.

Кошка Саша переехала в Россию вместе с хозяйкой. Но оказалась не столь выносливой как её тёзка Исаич, прошедший войну и

лагеря, и однажды серым промозглым декабрьским утром умерла. Москва доконала её – можно было сказать и так.

Впрочем, несправедливо во всём винить Россию, Саше шёл уже семнадцатый год, что в переводе на человеческий составило бы около восьмидесяти лет. Почтенный возраст, как ни крути. Сами русские со скрипом дотягивали до семидесяти.

Кэрол горевала очень. Слезы сами текли, когда она, приехав на Рождество в Калифорнию навестить родителей, высыпала Сашин пепел в Тихий океан. Дело было в Малибу. Саша, облетела земной шар и вернулась домой. В глиняной кринке с плотно притёртой крышкой.

А Кэрол вернулась в Москву и сразу отправилась на Птичий Рынок.

2.

Было январское утро, с морозцем, скрипучим снегом и ослепительным солнцем – идеальная погода для покупки котов.

Она увидела его сразу, в огромной корзине среди других мохнатых копошащихся и мяукающих комков.

– Серёжа... – Кэрол протянула ему указательный палец с идеальным малиновым ногтем. Он вцепился в палец своими крошечными зубами и больше его уже не выпускал.

У Кэрол на глазах выступили слёзы.

– Доча! Да скоко не жалко! – бабуля притоптывала валенками и похлопывала себя по бокам серыми вязанными рукавицами.

Десять долларов. Это было что-то около четверти бабкиной пенсии, Кэрол зарабатывала их за три с половиной минуты.

Первый год жизни Серёжа провёл, резвясь на дубовом паркете квартиры на Котельнической. Тут раньше жила балерина Уланова и полы были идеального качества. Научившись запрыгивать на широкие мраморные подоконники, Серёжа часами наблюдал с высоты четырнадцатого этажа за суетливой жизнью внизу: за диковинными корабликами на реке, за страшными белыми клубами, вылетающими из чёрных труб Мосэнерго, наподобие сказочных великанов; за весёлыми гаишниками, играющими в прятки в придорожных кустах у поворота на Яузу. Наступал вечер, зажигались жёлтые гирлянды

фонарей вдоль дорог, вспыхивали кровавые звёзды на башнях Кремля и пугающая надпись «Самсунг» где-то в районе Библиотеки имени Ленина.

Но больше всего Серёжу интересовали птицы. И вороны, что неизменной стаей безошибочно кружили над Кремлём, и стремительные белые чайки, которых толком никогда не удавалось рассмотреть, и глупые надутые сизари – эти иногда даже садились на жестяной подоконник с той стороны окна.

Вот ради таких моментов стоило жить.

Серёжа замирал, прикидываясь неким неодушевлённым предметом, то-ли шапкой, то-ли тряпкой, ну уж никак не живым котом в полном расцвете сил. Глупая птица, как правило, в беспечном любопытстве старалась разглядеть этот столь неодушевлённый предмет, перебирая уродливыми красными лапками по скользкой жести, приближалась почти вплотную. Охотника и добычу разделяло лишь оконное стекло.

– Стекло! Будь оно проклято, это стекло! О если бы не было стекла... – думал Серёжа и внезапно ожив, бросался к птице, сверкая кошмарными клыками и когтями. Голубь с инфарктом миокарда кубарем валился вниз, нелепо размахивая крыльями.

Да, ради этого стоило жить!

Иногда Серёжа задумывался, откуда это у него? Ведь никто не учил его этому – охоте. Откуда это безошибочное умение и знание что делать, как и когда? А?

Идея реинкарнации души, да и само понятие кармы ему казались немного наивными и несостоятельными. В любом случае, он придерживался взглядов немецкой школы иррационализма, тяготая к экзистенциализму и постмодернизму.

Его стали занимать и другие вопросы, любознательность и тяга к знаниям была безграничной. Вагнер и Ницше стали его кумирами.

Постепенно он всерьёз увлёкся и орнитологией.

Выяснилось, что голубь – не просто голубь, а птица из отряда голубинообразных и что, к примеру, в Северной Америке последний голубь был убит сто лет назад, в то время как у нас в России их более 250 видов. И все они живы и здоровы, вот такие вот дела!

И что хотя голубиная почта практического значения сейчас не

имеет, голубь может развивать скорость до 60 км/час с максимальной дальностью полёта до тысячи километров! И что ещё есть декоративные голуби. Ценятся они за причудливый вид и окраску оперения. Здесь, безусловно, лидируют дутыши и капуцины. Некоторым нравятся космачи, но Серёжа считал их экстерьер излишне вульгарным.

Его потрясла информация о том, что голуби моногамы. Они находят друг друга и больше не расстаются никогда. До самой смерти...

А ещё он узнал, что чайки, которых он никак не мог рассмотреть в окно, живут повсюду, даже на полюсе. Умеют плавать и нырять. Правда, ныряют они лишь когда падают в воду за добычей, а не так как утки, когда им вздумается. Или гуси... Те тоже ныряют, когда в голову взбредёт. Хотя все они, включая чаек, лапчатые. Особенно гусь.

3.

Контракт у Кэрол закончился, и она вернулась домой в Америку, купив дом в пригороде Нью-Йорка в посёлке со смешным русским названием Метачин.

Серёжа не воспринял переезд как эмиграцию, хотя чиновники в аэропорту Кеннеди, ставя печати в его въездных документах, явно придерживались противоположного мнения. Но было бы смешно всерьёз интересоваться мнением людей, пиком карьеры которых стала проверка бумаг у котов-эмигрантов.

Америка! Край свободы и неограниченных возможностей не только для людей, но и для котов.

Америка дала Серёже достаток – он стал почти единовластным хозяином (Кэрол уезжала в свой Манхеттенский офис рано утром и возвращалась поздно вечером) двухэтажного дома с личным туалетом и невероятным количеством мягких кресел, диванов и толстого ковра на полу перед камином. Всё это он с нескрываемым сладострастием драл.

Ещё в Америке он обрёл свободу.

Свободу, о существовании которой даже не подозревал.

Раньше, в России, ему снилось, что нет этого проклятого стекла

и он вгрызается в горло безмозглой птицы и рвёт её в клочья. Но тогда – «там» – это были лишь сны.

Теперь – «здесь» – это стало явью.

Невзрачные воробьи и мелкие пичужки, имени которых он не знал, изящные трясогузки и суетливые дрозды, простодушные горлицы и надменные кардиналы – от всех летели пух и перья и оставались печальные маленькие трупы, которые он аккуратно выкладывал на пороге. Кэрл морщилась, двумя брезгливыми пальцами вытянутой руки опускала грустные трупики в мусорное ведро, а потом долго тискала Серёжу и говорила со смешным американским акцентом:

– Ах ты мой охотник! Стрелял в журавля, а попал в воробья!

Так шли годы... Серёжа заматерел, он превратился в солидного и степенного кота. При этом ни чуточки не растолстел, может, слегка обленился и стал больше спать. К нему пришла взрослая значительность, серьёзность, охотничьи навыки его достигли совершенства, познания в орнитологии соответствовали, пожалуй, степени бакалавра. Да, птицы по-прежнему оставались его страстью.

И лишь зимой, когда все достойные птицы исчезали, а оставались лишь невзрачные воробьи и мелкие пичужки, имени которых даже он не знал, Серёжа не выходил на улицу, а предпочитал дремать на толстом ковре у камина или на коленях у Кэрл.

И смотреть сны.

Сны эти были похожи на обрывки воспоминаний из какой-то другой, диковинной жизни. Будто ходит он на двух ногах и ноги эти обуты в высокие болотные сапоги, а в руках у него «тулка-переломка» и ловко садит он из двух стволов по взметнувшимся из камышей уткам.

Бьёт влёт – лихо и метко, только перья летят. Любо-дорого!

Вон шилохвостка свечой взмыла, а за ней пара чирков-свистунков, а за ними и селезень! Семейство утиных отряда гусеобразных. Вот так удача!

Не мешкая перезарядил и дуплетом. Бах! Пух и перья!

...И лишь трескучее эхо перекачивается по болоту, долетает до крутояра, а оттуда уж и до деревни с забавным и каким-то шуршащим мышиным названием.

А после, свесив ноги с телеги, катиться и катиться, болтая

пудовыми сапогами в такт скрипучим колёсам и бестолковым частушкам Тихона:

У кого какая баня –
У меня без потолка.
У кого какая милка –
У меня без хохолка!

...И Наденькин горячий шепот ночью:
– Ох ты мой охотник! Стрелял в журавля, а попал в воробья! Да тише ты, Володька, тише, маму разбудишь!

Об авторе: ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ

Родился в Латвии. Живет в Вашингтоне. Окончил художественно-графический факультет МГПИ в Москве. Профессиональный художник, более десяти персональных выставок в Европе и США. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Слово/World», «Новая юность», «Октябрь» и др. Издается в Германии. Лауреат «Русской Премии», премии «ZA-ZA Verlag». Автор книг «К югу от Вирджинии», «Время Воды», «Брайтон Блюз» и др. Neкаýalar